

Источники и литература

1. Назаров И. И., Бикбулатова А. Р. О работе первой международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» в Кыргызской Республике // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение 2020–2021: сб. науч. тр. / под ред. Т. К. Щегловой, М. А. Демина, Н. С. Грибановой, Н. Н. Головченко. Барнаул, 2021. С. 238–243.
2. Асанканов А. А., Октябрьская И. В., Назаров И. И. Об итогах первой международной этнографической экспедиции «Большой Алтай: Россия — Кыргызстан, 2021» // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы II международного алтаистического форума. Барнаул, 2021. С. 58–62.
3. Октябрьская И. В., Нехвядович Л. И., Назаров И. И. Комплексные этнографические и этнокультурологические исследования общности тюркских народов Большого Алтая // Культурное наследие Сибири. [Международный научный журнал]. Барнаул, 2021. № 2 (32). С. 44–49.
4. Oktyabrskaya I. V., Alymkulova S. K., Nazarov I. I., Samushkina E. V. The Kyrgyz Republic: Concept, Strategies, and Practices for the Preservation of the National Cultural Heritage // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 50/2. (2022). S. 128–139.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-230-235

УДК 39, 394, 259

И. В. Октябрьская, С. В. Анцифиров

Село Кошкуль — этноконфессиональный ландшафт XIX–XXI вв.*

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. В работе на материалах полевых исследований в Чистоозерном р-не Новосибирской области 2022 г. предпринимается попытка воссоздания локальной этно-конфессиональной истории. Содержание исследований определяет концепт «этноконфессиональный ландшафт», который позволяет давать описание этнических и религиозных процессов с проекцией на реальный локус — старожильческого с. Кошкуль и сельскую (православную) общину в процессе ее становления и трансформации на протяжении XVIII–XX вв. **Ключевые слова:** Новосибирская область, старожилы и переселенцы, православие, этноконфессиональный ландшафт.

В последние десятилетия в российской науке на уровне страноведческих и регионоведческих исследований все большее место занимает концепт этноконфессионального ландшафта. Он позволяет дать описание этнических и религиозных процессов с проекцией на реаль-

* Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

ные локусы. Изучение развития этноконфессионального/ религиозного ландшафта Западной Сибири является одним из приоритетов в научных программах АлтГУ. В 2014–2015 гг. на базе университета была издана обобщающая работа, где было приведено определение религиозного ландшафта в трактовке П. К. Дашковского – «это исторически изменяющаяся система взаимоотношений между обществом и религиозными общинами в определенном географическом пространстве в контексте этнических, социально-экономических, культурных и политических процессов» [1, с. 10].

Концепт этноконфессионального ландшафта дал возможность перейти от изучения конфессиональной истории сквозь призму взаимодействия религиозных структур и государства к изучению истории образования и развития религиозных общин в реальных временных и территориальных границах. Этот подход определил содержание проекта ИАЭТ СО РАН по подготовке этно-конфессионального атласа региона. Он также определил содержание полевых исследований 2022 г. в Чистоозерном районе Новосибирской области. Одним из объектов исследования стало старожильческое село Кошкуль, где сегодня насчитывается чуть более 100 жителей. В изучении его этно-конфессионального ландшафта использовались методы устной истории и историко-архивных изысканий.

Согласно легендарной традиции, поселение Кошкуль было основано в 1700-м г. ссыльными казаками на землях, входивших в зону расселения барабинских татар. Полагают, что сюда были высланы из России участники стрелецкого восстания 1682 г. На протяжении двух столетий здесь складывалась община, в которой изначально сосуществовали чалдоны (потомки первопоселенцев) и кержаки – потомки старообрядцев. Ранних документальных свидетельств истории этого сообщества, как принято считать, не сохранилось.

Согласно административным отчетам, в конце XIX в. деревня (с постройкой церкви в 1881–1887 гг. – село) входила в Юдинскую волость, которая до 1876 г. относилась к в Омскому округу Тобольской губернии; с 1876 г. – к Тюкалинскому округу Тобольской губернии, с 1887 г. – к Каинскому округу Томской губернии. В 1887 г. Юдинская волость насчитывала 49 деревень и 16 523 д. об. п. Известно, что долгое время здесь не было церкви. Это, вероятно, соответствовало старообрядческим и отчасти казачьим традициям, в которых семейные ритуалы и духовные практики могли проходить вне храмов. К концу XIX в., с появлением переселенцев из России и Малороссии, религиозная жизнь в Кошкуле активизировалась. Началась постройка православного храма. В 1887 г. однопрестольная церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери была

освящена. Ее описание, как и описание села, сохранилось в обзоре Омской епархии за 1914 г. На тот момент в епархии, к которой относилось с. Кошкуль, насчитывалось 609 сельских храмов. Кошкульская церковь, построенная «усердием прихожан», была среди них рядовой – деревянная на каменном фундаменте, с колокольной [2, с. 1229–1245].

«За последнее время, – указывалось в обзоре, – население старожилов-сибиряков и переселенцев настолько смешалось, что в епархии совсем мало осталось таких приходов, в состав которых не входили бы переселенческие поселки и, благодаря громадному наплыву переселенцев, число церквей и приходов в епархии увеличилось более чем вдвое против того количества, при котором, возникла Омская епархия. Переселенцы, прибывши в Сибирь и мало-мальски устроившись своим небольшим хозяйством, тотчас же поднимают вопрос о построении у них приходского храма» [2, с. 3].

В 1914 г. православный приход, куда входила община с. Кошкуль, объединял 7 селений, где проживало 4596 д. об. п.; в Кошкуле – 970 д. об. п. Жители села в основном по-прежнему относились к старожилам, но в округе было много переселенцев. Старообрядцы поморской общины насчитывали 280 чел. В Кошкуле постоянно находились священник, псаломщик и дьякон. В селе действовала министерская школа; в ней ежегодно обучались до 30 мальчиков и 10 девочек. Закон Божий преподавал местный священник. По приходу в среднем за год совершали 347 крещений, 73 брака и 193 погребения. Пасхальное хождение с иконами бывало в Кошкуле практически по всем домам. Крестные ходы по полям и молебны проходили по всем селениям. Съезжий праздник отмечали в с. Кошкуль 1 января [2, с. 1229–1245].

Согласно данным переписи 1916 г., Кошкуль состоял из 194 дворов и имел 920 чел. населения. Существенное влияние на его состав и структуру оказало переселенческое движение, усилившееся в 1890-е гг. с постройкой Сибирской железной дороги. Накануне политических перемен Кошкуль был значительным по численности поселением.

События революции и гражданской войны изменили привычный ход бытия. Окрестности Кошкуля стали зоной жестокого противостояния. Вслед за утверждением советской власти в ходе административных преобразований 1920–1930-х гг. село вошло в состав созданной в 1937 г. Новосибирской области. Одновременно с советизацией сибирской деревни проходила масштабная антирелигиозная кампания. Ее содержание и локальные особенности восстанавливаются на материалах устной истории. В работе, посвященной истории сибирской деревни, Т. К. Щеглова с опорой на крестьянский нарратив обозначила общице (как для Алтайского края, так и для всей Западной Сибири), тен-

денции развития этно-конфессиональных процессов, а также отношение к ним местных общин [3, 207–239].

Известно, что первыми советскими декретами 1917 г. церковь была отделена от государства, в 1920-е гг. начались репрессии против священников, в 1930-е гг. — закрытие храмов. Эта кампания проводилась под разными предлогами, закрытие оформлялось через собрания избирателей, подкреплялось официальными документами и утверждалось на областном уровне.

В 1929-м г. церковь в с. Кошкуль была закрыта, а в 1936 г. отдана под склад. По словам З. М. Пискуновой, «батюшку как-то раз пришли и забрали, никто и не понял, почему и за что» [4]. «Воинствующий атеизм» властей вызывал возмущение, но в большинстве случаев прихожане не предпринимали открытых протестов. Хотя в 1938 г. М. М. Беляев (еще недавно местный церковный староста с. Кокуль) написал письмо председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин с требованием вернуть храм, исправить все разрушения и призвать к ответу колхозников, «изгалявшихся» над иконами. Эти обращения вызвали заметное беспокойство советских и партийных властей области. Переписка длилась около года: М. М. Беляеву предъявили ряд обвинений, но в конечном итоге пришли к выводу, что он хоть и ходатайствует об открытии церкви, но «организовать верующих не может, так как население поняли суть дела этого дурмана». На этом дальнейшая переписка прекратилась. Инициатор протеста М. М. Беляев дожил до глубокой старости, но и церковь не была спасена. Ее разрушили в 1943 г. [5, л. 8–23].

«Помню хорошо, как церковь ломали, — рассказывала Ф. П. Куликовская. — Нас не спрашивали. Пришли машины из райцентра. Ломали деревянные стены, грузили на машины и сразу же увозили в район, или еще куда. Дядя Тузов пришел с фронта на костылях, ему выдали те иконы, которые на материи были написаны, он их взял, отнес домой, там тетя Лена их вываривала, чтобы краска с них сошла, и делала из них портки ребятишкам — девять детей у них было» [4].

К церковным атрибутам кошкульцы относились без трепета: «В доме у нас много чего из церкви сохранялось — и иконы, и крест был синего цвета, крест мы в какой-то момент опустили в озеро, а иконы остались, особенно помню матерчатую икону с золотой бахромой и вышивкой, и вот мне было лет двадцать, и был у меня знакомый Юрка с Песчанки, и он выпросил у меня эту икону, сказал — я ее в церковь передам, а куда она делась на самом деле, я и не знаю. От матери мне потом попало сильно, а как я узнала позже, какая это была ценность, мне самой очень плохо сделалось» [4].

Вспоминая факты вандализма, жители села допускали воздаяние за поругание церковных святынь. Рассказывали про Ф. И. Гостева, который топором ударил по иконе, и отлетевшая щепка выбила ему глаз. Среди сельчан он считался излишне суровым человеком и ему не раз припоминали этот случай, говоря: «Не надо было изгаляться». Поричался не только сам грех, но и рвение к нему [4].

В 1930–1940-е гг. сибирская деревня переживала сложные времена. Завершилась коллективизация. Похозяйственные книги с. Кошкуль 1940–1943 гг. зафиксировали значительные людские потери. На фронтах Великой Отечественной войны погибли более 100 сельчан. К концу 1940-х гг. существенно изменился национальный состав села: из 461 чел. русских было 385, немцев – 39, украинцев – 37 [6].

На фоне значительных этно-демографических и социо-культурных трансформаций менялся локальный религиозный ландшафт. Каноническое православие теряло свои позиции, и одновременно усиливалось православие народное. В с. Кошкуль появились (в определении Т. К. Щегловой) народные служители [3, с. 239–240]. По воспоминаниям Ф. П. Куликовской, бывший церковный староста М. М. Беляев был в селе «игуменом», а его супруга «бабка Домна – игуменьей». Востребованными в селе были оккультные практики. Как рассказывают старожилы, были знающие люди, кто «по звездам умел читать». «Многие знали всякие молитвы и заветы и на злое, и на доброе... Баба Маня „умывала“ от испуга. Тетя Тася Куликовская вылечила пупочную грыжу моему сыну и моей дочери, она „понимала“. Баба Домна „умывала“ тоже и говорила нам с сестрой: запоминайте, девки, потом пригодится» [4]. Эти практика сохраняются у кошкульцев до сегодняшнего дня.

Хотя с 1990–2000-х гг. в стране началось возрождение традиций православия, церковь в селе так и не была восстановлена. Хотя практически в каждом доме хранились иконы и многие молились, никто не сожалел о ее отсутствии. Этноконфессиональный ландшафт с. Кошкуль отражал изменения российского общества и локальной старожильческой общины, происходившие на протяжении XX в.

I. V. Oktyabrskaya, S. V. Anzifirov

The village of Koshkul is an ethnoconfessional landscape of the XIX–XXI c.

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Annotation. In the work, based on the materials of field research in the Chistoozern district of the Novosibirsk region in 2022, an attempt is made to recreate the local ethno-confessional history. The content of the research defines the concept of “ethno-confessional landscape”, which allows us to describe ethnic and religious processes with a projection on the real locus – the old-resident village of Koshkul and the rural (Orthodox) community in the process of its formation and transformations during the XVIII–XX c. **Keywords:** *Novosibirsk region, old-timers and migrants, Orthodoxy, ethno-confessional landscape.*

Источники и литература

1. Дашковский П. К. Введение // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность — начало XX в. Барнаул, 2014. 214 с.
2. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1248 с.
3. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул, 2008. 528 с.
4. ПМА 2022 г.: Чистоозерный р. Новосибирской обл. с. Кошкуль. Куликовская Ф. П. 1933 г. р., Пискунова З. М. 1950 г. р., Гостева Л. В. 1952 г. р.
5. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 2.
6. Отдел архивной службы администрации Чистоозерного района Новосибирской области. Ф. 236. Оп. 3. Д. 1–4.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-235-247

УДК 392.51 (571.150)=161.1

В. С. Осокина

Свадебная обрядность русского населения Алейского района в 1950–1970-е гг. по полевым материалам 2022 года*

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности свадебного обряда русских в 1950–1970-е гг. через анализ полевых материалов, собранных в Алейском районе в 2022 г. Автор проводит сопоставление свадебной обрядности в городской и сельской местности, а также какое влияние на него оказывало государство посредством идеологии. **Ключевые слова:** *свадебная обрядность, русское население, Алтайский край, 1950–1970-е гг.*

Свадьба — неотъемлемая часть жизни почти каждого человека. Свадебная обрядность в XX в. прошла через многие изменения — от упрощения до последующего возвращения к торжественности и пышности. Во многом это связано с тем, что, как отмечает Т. К. Щеглова, государство в этот период «ставило задачу сформировать идентичность — «советский народ» — как «новую историческую общность людей» [1, с. 174]. В результате советская идентичность, образуя новые жизненные установки населения, активно изменяло в том числе и традиционную обрядность.

Изменению традиционной обрядности способствовало и само время. Как отмечает Н. Б. Лебина, именно период «оттепели» характеризуется заметной демократизацией свадебного обряда и закреплением тех свадебных норм, которые используются по сей день (обручение кольцами, особая одежда жениха и невесты, регистрация в Двор-

* Научный руководитель — канд. ист. наук А. В. Рыков.